

Т. ТОТЕВ

ШУМЕН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛЕ МАДАРСКОГО ГОРЕЛЬЕФА

В 2002 г. исполнилось 130 лет с момента открытия
Мадарского всадника для науки.

В связи с ухудшением состояния изображения и надписей Мадарского скального рельефа возможность установления чего-либо нового невелика (Рис. 1). Поэтому исследователи в последние десятилетия почти полностью руководствуются только догадками и предположениями или их усилия сводятся к толкованию бесспорного и привлечению не использованных до сего времени аналогий. При этом нужно заметить, что в данных записках наши разыскания по поводу Мадарского всадника касаются не столько реалий, стиля и его датировки, а относятся к вопросам, связанным с генезисом и смыслом представленных изображений.

Официально признанное мнение по поводу этого уникального памятника болгарского монументального искусства раннего средневековья отражено в нескольких студиях и статьях, изданных около пятидесяти лет назад¹. Не отделяя при рассмотрении рельефа образы и высеченные около них надписи, авторы единодушны в том, что на Мадарских скалах представлена триумфальная сцена болгарского владетеля начала VIII в., вероятнее всего Тервела (700–721). Почти без изменений вышеупомянутая точка зрения представлена и в вышедшей после 1980 г. многотомной истории Болгарии².

В результате новых попыток пролить свет на Мадарский скальный рельеф сформировалось две основные точки зрения: первая, относящаяся к вопросу происхождения его иконографии, а вторая – к содержанию религиозной системы праболгар. Первая точка зрения высказана архитектором Сл. Дончевым, который на различных научных форумах и в изданиях в Болгарии и за границей³, настаивая на некоторых трудно

¹ Мадарский конник. София, 1956.

² История на България. Т. II. София, 1981. С. 188-189.

³ Дончев Сл. Мадарският конник (Един опит за изясняване произхода и значе-

доказуемых деталях в Мадарской композиции и привлекая значительное число восточных параллелей, приходит к выводу о ее происхождении на основе божества из пантеона буддизма. Впоследствии он дополнил свою точку зрения, допустив, что наряду с буддистскими изображениями на происхождение рельефа оказали влияние и памятники Фракийского хероса (героя). Что касается принадлежности Всадника, то Сл. Дончев придерживается, в основном, общепринятого мнения. Единственное расхождение состоит в том, что, по его мнению, изображенным является не Тервел, а Крум (803–814).

Вторая точка зрения принадлежит археологу Ж. Аладжову, который полностью отрицает возможность того, что на рельефе изображен кто-либо из первых болгарских ханов Плиски. На основе наблюдений, данных письменных и литературных источников, аналогий и соображений по поводу характеристики Мадары в качестве языческого культового центра в период Первого болгарского царства, он утверждает, что на мадарских скалах изображен почитаемый праболгарами и всеми тюркскими народами верховный бог неба Тангра или Тенгри-хан⁴.

Точка зрения Сл. Дончева была основательно оспорена Р. Рашевым⁵. Доказывая, что приведенные тибетские параллели не состоятельны для Мадарской композиции, он определенно высказывает и свое несогласие с попыткой Сл. Дончева воскресить уже давно решенный вопрос о связи Мадарского всадника с изображениями Фракийского хероса. В конце своих критических заметок автор подчеркнул, что принятое в нашей исторической науке толкование Мадарского всадника как образа болгарского владетеля, навеянный ближневосточными художественными образцами, трудно поставить под сомнение. Здесь же Р. Рашев,

нисто на памятника)//Проблеми на изкуството. 1970. № 3. С. 55-61; Он же. Символ на древна България (За някои качества на източните успоредици на Мадарския скален релеф)//Плиска – Мадара – Преслав. 1977. С. 12; Он же. Откуда скачешь, гордый конь? Тайны веков. М., 1983. С. 216-221; Он же. Восточные параллели Преславского и Мадарского всадников и сведения об европейских гуннах//У истоков творчества. Новосибирск, 1978. С. 203-212.

⁴ Нескольких изданных кратких сообщений не достаточно, чтобы доказать правоту отстаиваемой автором точки зрения. Подробно и обстоятельно он это делает в подготовленной кандидатской диссертации по религиозной системе праболгар, а также в статье: АЛАДЖОВ Ж. Към култ на Тангра в Средновековна България//Археология. 1983. № 1-2. См. также более ранние работы: АЛАДЖОВ Ж. Образ на Тангра//Плиска – Мадара – Преслав. 1977. С. 12; Он же. За един тип изображения на Тангра//Музеи и паметници на културата. 1983. Т. XXIII. Вып. 1. С. 25-28.

⁵ РАШЕВ Р. За тибетските успоредици на Мадарския конник//Археология. 1978. № 3. С. 24-30.

хотя и совсем кратко, остановился на вопросе представления об обобщенном образе обожествленного владетеля, которому приписываются черты героя раннеболгарского эпоса.

По причине того, что указанный эпос не дошел до наших дней, о нем можно в какой-то степени судить по сказаниям некоторых современных тюркских народов Сибири и Средней Азии⁶. Об эпическом герое говорится в нашем, написанном совместно с Р. Рашевым несколько лет назад, но неопубликованном докладе⁷, а также в разысканиях по семантике рисунков граффити из Плиски и Преслава на одной из состоявшихся в Шумене двусторонних болгарско-советских встреч по археологии праболгар⁸. На связи Мадарского всадника с эпосом тюркских народов сосредоточивает внимание в своей последней книге и Ст. Ваклинов⁹.

В унисон с исследованиями обобщенного образа владетеля и литературными источниками, по нашему мнению, правильным является расширение их круга включением памятников изобразительного искусства, иллюстрирующей жизни и деяний всадника-героя с далекой азиатской родины праболгар. Чтобы удостовериться в значении подобных памятников, достаточно вспомнить разрисованный щит Дивастича и фреску с изображением всадника из Кызыла, которые Ст. Ваклинов приводит в своем исследовании для выяснения реалий Мадарского всадника¹⁰.

Это, в сущности, и послужило поводом для написания настоящих заметок в связи с 130-летием открытия Всадника и других еще не разгаданных полностью конных изображений раннесредневекового изобразительного искусства Средней Азии. Необходимо сразу подчеркнуть, что использование их в качестве параллели является важным не с точки зрения общности реалий, а по причине их близости с Мадарским всадником по общему духу происхождения.

В качестве сравнения предлагается выбранное нами изображение молодого всадника на красивом пятнистом коне в движении влево (Рис. 2). В правой руке всадника – высоко поднятая чаша, к ней спускается черная птица. Данные изображения, нарисованы на нескольких деревянных панно, происходят из Дандан Ойлык. Они, в сочетании с образ-

⁶ РАШЕВ Р. За тибетските успоредици на Мадарския конник. С. 28; Он же. Конникът в старобългарското изкуство//Археология. 1984. № 2-3. С. 60-70.

⁷ ТОТЕВ Т., РАШЕВ Р. Нови данни за старобългарското изкуство//Симпозиум на БИД «Образуване на Българската държава». Шумен, 12–13. X. 1976 г. (неопубликованный доклад).

⁸ Плиски – Преслав. Т. II: Прабългарската култура. София, 1981. С. 220 (выступление Т. Тотева).

⁹ ВАКЛИНОВ Ст. Формиране на старобългарската култура. София, 1977. С. 102 сл.

¹⁰ СТАНЧЕВ Ст. Реалиите върху релефа на Мадарския конник//Мадарският конник. София, 1956. С. 181-204. Рис. 12, 25.

ами шиваитских и буддистских божеств, являлись частью украшения стен в «малой» и «большой целле» и служили иллюстрацией к легендам, вместе с расположенными здесь же рисунками всадников на верблюдах¹¹. Известен также рисунок на бумаге с изображением всадника из Турфанского оазиса¹².

А. Стейн, введший в научное обращение образ этого еще полностью неразгаданного среднеазиатского всадника, склонен считать, что он относится к героям, навеянным персидским фольклором¹³. Его изображение на деревянных панно наряду с такими божествами, как Махешвара или Будда, говорит о широкой популярности данного героя. А то, что культ указанного «волшебного всадника» в Сеистане и в Хотане засвидетельствован вместе с культами царя-змея и царя-мастера, по мнению того же автора, определенно указывает на возможность правильного его толкования лишь в тесной связи с мифическим циклом о Рустаме¹⁴. Н.М. Дьяконова, видный петербургский специалист по азиатским религиозным культам, также считает, что в мифе об этом всаднике-защитнике от зла сохранена фольклорная традиция¹⁵. Почерпнутый из буддизма, он входит в иконографию ряда местных божеств – некоторые из них до сих пор существуют в ламаизме¹⁶.

В связи с определением смысла изображения этого «волшебного всадника» А. Грюненвелд приводит тибетскую легенду о чудесных событиях, произошедших в одном из буддистских монастырей Турфанского оазиса¹⁷. Это предание подтверждает, что среднеазиатское изображение из Дандан Ойлык можно отождествить с защитником правды и закона Рустамом.

Исходя из иранской основы, исследователи решают вопросы возникновения и правильного осмысления рассмотренного нами здесь совсем кратко «волшебного всадника». В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в попытках приблизиться к истинному смыслу Всадника, высеченного на Мадарских скалах, нельзя не учитывать значение иранской основы.

¹¹ STEIN A. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907. Pl. II, III, LIX, LXII; IALBOTOVA RICEOLA I. *Stredni Asie*. Praha, 1973. Fig. 196.

¹² См.: Дьяконова Н.В. «Иранские» божества в буддийском пантеоне Центральной Азии//История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 280.

¹³ STEIN A. *Ancient Khotan*... P. 279.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ Дьяконова Н.В. «Иранские» божества... С. 274-275.

¹⁶ Там же.

¹⁷ GRUNENWEDEL A. *Alt-Kutscha*. Berlin, 1920. S. 45-46, 60.

T. TOTEV
ŠUMEN

ZUR FRAGE NACH DER HERKUNFT
UND DEM SINN DES HOCHRELIEFS VON MADARA

Die gängige Meinung besteht darin, dass der Reiter, der auf den Madarischen Felsen dargestellt ist, den Triumph eines bulgarischen Herrschers, wahrscheinlich Tervels (700–721), darstellt. S. Dončev rechnete ihn religionsgeschichtlich dem Kulturbereich des Buddhismus zu und nahm weiterhin eine Beeinflussung durch Denkmäler des thrakischen Helden an. Er meinte, nicht Tervel, sondern Krum (803–814) sei dargestellt. Ž. Aladžov behauptete, dass auf den Felsen der von allen Turkvölkern verehrte oberste Gott des Himmels Tangra oder Tengri-Khan dargestellt sei. R. Rašev kritisierte Dončev, meinte aber, dass die Ansicht, es handele sich um ein Herrscherbild, nur schwer zu widerlegen sei. Der Reiter trägt ihm zufolge möglicherweise die Züge des Helden eines verlorengegangenen frühbulgarischen Epos. St. Vaklinov zog den bemalten Schild von Divastič und eine Wandmalerei mit Reiter aus Kızıl zu Vergleichszwecken heran. Der Autor des vorliegenden Artikels gründet seine Annahme hinsichtlich des madarischen Reiters auf eine mittelasiatische Parallele, den sogenannten «magischen Reiter» im Britischen Museum. Er bezieht sich auf die Beobachtungen von A. Stein, N.V. D'jakonova und A. Grunenwedel im Zusammenhang mit den mittelasiatischen Reiterdarstellungen und ihrer Grundlage in der persischen Folklore. Um den wahren Sinn des Felsenreliefs von Madara zu erfassen, ist es notwendig, die iranische Grundlage der mittelasiatischen Folkloretradition und den Verteidiger der Gerechtigkeit und des Gesetzes Rustam in Betracht zu ziehen.